

Дьяконов Иван Юрьевич

**Антропология нищеты:
этологические аспекты**

Специальность 03.00.14
антропология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва 2009

Работа выполнена в Секторе кросс-культурной психологии и этологии человека
Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской
академии наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор

Бутовская Марина Львовна

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук

Козинцев Александр Григорьевич

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

кандидат биологических наук

Веселовская Елизавета Валентиновна

Институт этнографии и антропологии РАН

Ведущая организация: Институт археологии РАН

Защита состоится «21» апреля 2009 г. в 14.30 часов

на заседании диссертационного совета Д. 002. 117. 01 по защите докторских и кандидатских диссертаций в Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук по адресу: г. Москва, Ленинский пр-т д.32А, корп. В.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

Автореферат диссертации разослан «___» _____ 2009 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук

А.Е. Тер-Саркисянц

Общая характеристика работы

В данной диссертационной работе проведен комплексный анализ феномена нищенства. В работе совмещается исторический анализ нищенства и изучение данного явления в современных условиях, что позволило выделить инвариантные стратегии прошения милостыни и вскрыть этологические, психологические и культурные механизмы, обеспечивающие положительный отклик на просьбы нищих о помощи со стороны представителей «большого» общества.

Данное исследование нищенства проведено на стыке гуманитарных и биологических наук о человеке. Такой объект исследования, как социальная группа, может изучаться как внутри социально-антропологических дисциплин, так и в рамках физической антропологии. Поскольку, цель данного исследования – поиск общих корней сочувственного отношения к нищим, данная работа представлена в русле эволюционной антропологии, которая в последние годы успешно занимается поисками биологических корней альтруистического поведения человека (Boyd R., Gintis, 2003; Harcourt, 1992; Kaplan, Hill, Lancaster, 2000; Pradel, Euler, Fetchenhauer, 2009; Trivers, 1971). На наш взгляд, представленная работа может быть отнесена к физической антропологии по двум причинам:

1. В настоящей работе предметом исследования является альтруизм как часть общего адаптационного поведения человека, выработавшегося в ходе эволюционного процесса. В работах ряда физических антропологов было показано, что ряд поведенческих паттернов человека является таким же результатом эволюционного отбора, как и его морфологические признаки (Brown, 1991). В этом смысле изучение закрепленных в генетике поведенческих паттернов, наравне с изучением морфологии, является предметом физической антропологии (Boyd, Richerson, 1985).

2. Исследование проводилось исключительно количественными методами, в частности, методом фокального этологического наблюдения. Использование количественных методов, процедур валидации данных и применение статистического анализа позволяет считать результаты исследования соответствующими требованиям физической антропологии (Eibl-Eibesfeldt, 1989).

Термины и понятия. В связи с тем, что настоящая работа носит междисциплинарный характер, в ней используется ряд терминов, характерных для эволюционной антропологии, социологии и социальной психологии. Для того, чтобы придать однозначность описанию проведенных исследований, мы кратко охарактеризуем основные термины и понятия, используемые в работе.

Нищенство – систематическое активное прошение материальной помощи у незнакомых людей, которое является для просящего основным средством дохода.

Подяние милостыни – добровольная индивидуальная материальная помощь, непосредственно оказываемая незнакомому человеку в ответ на активную просьбу.

Следует отличать подаяние милостыни от других форм альтруизма: подаяние денег профессиональным артистам и пожертвование денег через благотворительные фонды (в этом случае помощь оказывается опосредованно).

Релизер – элементы внешности или поведения человека, которые провоцируют ту или иную реакцию у окружающих людей (Eibl-Eibesfeldt, 1989; Salter, 1998).

Детская схема – один из основных релизеров альтруизма, представляющий собой детскую или педоморфную внешность, а также подчиненное (субдоминантное) поведение (Eibl-Eibesfeldt, 1989).

Реципрокный альтруизм – помощь тем, кто в прошлом вел или в перспективе будет вести себя альтруистично в отношении донора (Trivers, 1971). В частности, альтруистическим поведением может быть распространение общих с донором генов (Hamilton, 1964).

Кин-отбор – тенденция к оказанию помощи людям, имеющим с донором минимальную генетическую дистанцию (Hamilton, 1964). В рамках данного механизма индивид, оказывая помощь, способствует распространению общих с родственниками генов в последующих поколениях.

Истинный альтруизм – помощь по отношению к человеку, который в прошлом не вел себя альтруистично по отношению к донору и в будущем вероятность такого поведения крайне низка (Buss, 1996).

Социальная группа – совокупность людей, каждый из которых приписывает себе ряд признаков, объединяющих его с другими членами группы и отличающих от членов других групп (Tajfel, Turner, 1986).

Группа членства – группа, ключевые признаки которой приписывает себе человек (Tajfel, 1981).

Актуальность исследования. В последние 15 лет нищенство стало привычным явлением в России и других странах бывшего СССР, равно как и во всей Восточной и Центральной Европе. Сами нищие образовали особую социальную группу, с собственной экономической стратегией и специфической формой занятости, собственными правилами поведения и традициями. Группу, возродившуюся в результате кардинальной трансформации рынка труда в условиях пост-социалистической действительности.

Явление нищенства зафиксировано практически во всех культурах, вне зависимости от уровня экономического развития стран (Cavalli-Sforza et al., 1994; Allahbadia, Shah, 1992; Bamisaiye, 1974; Bremner, 1996; Burns, 1991; Goldberg, 1995; Fabrega, 1971; Heilman, 1975; Iglinoia, 1991; Meri-Drivi, Raz, 1995; Schak, 1988; Shichor, Ellis, 1981) и данный универсализм позволяет нам рассматривать сочувствие нищему как выражение эволюционно закрепленного альтруизма.

Существующие работы, посвященные нищенству, можно разделить на три группы:

1. Этнографические наблюдения. Регистрация поведения нищих (Ильясов, Плотникова, 1993; Allahbadia, Shah, 1992; Bamisaiye, 1974; Fabrega, 1971; Heilman, 1975; Iglinoia, 1991; Meri-Drivi, Raz, 1995; Schak, 1988; Shichor, Ellis, 1981)

2. Качественные исследования с использованием методов «включенного наблюдения» (Кудрявцева, 2001; Dhont, Vanderwiele, 1984)

3. Анализ общественных установок к нищим в отрыве от анализа поведения нищих (Burns, 1991; Goldberg, 1995)

В данной работе мы попытались объединить анализ поведения нищих и установок подающих в отношении нищих, а так же провести комплексный анализ поведения в диаде "нищий-подающий" на основе эволюционной теории альтруизма.

Несмотря на то, что группа нищих существует в современной России уже около 20 лет, до сих пор не проводилось комплексных исследований данного явления с позиций эволюционной антропологии. Между тем, именно комплексные подходы, совмещающие в себе методы естественных и гуманитарных наук позволяют пролить свет на «белые пятна» в нашем понимании феномена нищенства.

Новые нищие – это сообщества исключенных, стигматизированных людей, вынужденные отказаться от привычных повседневных практик или профессиональная группа, члены которой сделали сознательный выбор в пользу практики попрошайничества?

Возможно ли видеть в явлении современного нищенства возрождение массовой социальной практики, купированной после 1917 года? Как ни парадоксально, анализ современного нищенства в России показывает, что «новые нищие», в основных чертах, воспроизводят данную практику в том виде, в котором она существовала в дореволюционном российском обществе. При этом, остается неясным, каковы механизмы подобной преемственности: сознательное индивидуальное копирование успешных практик попрошайничества из прошлой истории или хорошо спланированное групповое обучение навыкам нищенского ремесла.

Чрезвычайно важным для понимания сущности данного явления, на наш взгляд, является публичное и персональное отношение к нищим в контексте межэтнических отношений. Крупные европейские мегаполисы становятся все более многонациональными, в связи с чем все большую актуальность приобретают вопросы межэтнического взаимодействия. Анализ отношений в межнациональной диаде «нищий-подающий» позволяет определить, характерен ли для данной ситуации этнический nepoтизм.

Цель диссертационной работы – исследование феномена нового российского нищенства с антропологических позиций и выявление универсальных и культурно-специфических стратегий прошения милостыни.

В работе поставлены следующие **задачи**:

1. Описать стратегии поведения нищих в России XIX века на материале исторических работ 1870-1917 гг.

2. Осуществить этологический анализ поведенческих практик нищих в современной Москве.

3. Изучить особенности жизненного пути современных нищих.

4. Выявить влияние прошения милостыни на эмоциональную сферу нищих.

5. Определить поведенческие релизеры конкретных мотивов подаяния милостыни.

Методы исследования, достоверность и обоснованность результатов. В работе использованы эмпирические и теоретические методы исследования. Для решения поставленных задач использовались этологические, социологические и психологические методы исследования, а также теоретические положения эволюционной антропологии. Достоверность полученных результатов подтверждается их соответствием с основными положениям эволюционной антропологии и сопоставимостью с результатами исследований других авторов. Все данные количественных исследований носят статистический характер, и их достоверность проверялась с помощью соответствующих математических процедур.

На всех этапах исследования **полевые материалы** по России собирались непосредственно автором работы, а также М.Л. Бутовской, А. Маурером и А. Смирновым. Автор выражает признательность участникам данных работ за неоценимую помощь в сборе полевого материала.

Научная новизна. Впервые проведен комплексный анализ современного российского нищенства с позиций эволюционной антропологии, и показано, что в поведенческом репертуаре российских нищих представлены не только универсальные стратегии, которые делают эффективным прошение милостыни во всех культурах, но и ряд специфических для российской культуры стратегий. С помощью количественных данных установлено, что поведение нищих служит мощным релизером для ответной сочувственной реакции со стороны подающих, подобная реакция зачастую оказывается подсознательной. Автором впервые предложена методика, совмещающая одновременное этологическое наблюдение (за нищим) и личный опрос (подающих милостыню), позволяющая выявить стимулы конкретных эмоциональных реакций на нищего.

Практическая полезность работы. Выводы, сделанные в данной работе крайне важны для организации реабилитационной работы с данной социальной группой. Во-первых, результаты исследования эмоциональной сферы позволяют выделить основные проблемы в психическом статусе нищих, без учета которых невозможно организовать эффективную психологическую помощь нищим в ходе реабилитации.

Кроме того, данное исследование может быть использовано для оптимизации работы правоохранительных и миграционных служб. Данные службы активно занимаются снижением числа нелегальных мигрантов из Средней Азии, практикующих, в частности, прошение милостыни. В настоящее время эта деятельность является низко эффективной в связи с тем, что соответствующие органы не учитывают особенности социальных связей в данных этнических группах. Выводы исследования о социальной организации среднеазиатских цыган (люли), в частности, об их семейных отношениях, могут существенно помочь в организации более эффективной работы миграционных служб.

Реализация результатов.

Результаты исследования используются в учебном курсе по Этологии Человека в Российском Государственном Гуманитарном Университете.

Апробация работы.

Материалы диссертационного исследования докладывались и получили положительную оценку на научных форумах: 15-я Конференция Международного Общества Этологии Человека, Флоренция, Италия, 9-13 августа 2000 г.; XXVII Международная Этологическая Конференция, Тюбинген, Германия, 21-28 августа 2001 г.; ICAES Флоренция, 2-8 июля 2003 г.

Публикации. По теме диссертации опубликовано 12 печатных работ, из них 1 монография, 8 статей и 3 тезисов докладов и материалов конференций.

Структура и объем диссертации.

Диссертационная работа состоит из введения, 3 глав, заключения, библиографического списка, включающего 208 наименований. Работа изложена на 181 листе машинописного текста, содержит 20 рисунков и 16 таблиц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируется гипотеза, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, определяются положения, выносимые на защиту.

Первая глава - " Поведенческий репертуар и общая характеристика нищих в России XIX веке" – посвящена результатам изучения возникновения и развития явления нищенства в России. В наибольшей степени нас интересовал вопрос о стратегиях прошения милостыни. Авторы конца XIX века выделяют следующие типы нищих:

✓ **Богомолы** (просят милостыню на паперти) и **могильщики** (просят милостыню на кладбищах). Каждая артель оберегала свои места нищенства, и запрещала просить чужим нищим. Артели богомолы и могильщиков состояли лишь из профессиональных нищих, они никогда не обращались в ночлежные дома, а, как правило, снимали комнаты.

✓ **Иерусалимцы** (горбачи). Это нищие, выдающие себя за странников. Они всегда были одеты в черное, наподобие монахов, и старались вести себя степенно. В Петербурге их было немного, но в Москве и в провинции таких нищих можно было встретить во всех многолюдных местах. Особенно часто они общались к мелким купцам, рассказывая им истории о своих странствиях по миру. Просили они всегда на «святые дела». У одного человека мнимая монахиня могла просить на дорогу в Иерусалим, у другого – на свечу, которую ей нужно поставить в Киево-Печерской Лавре, а третьему она продавала «землицы иорданской». Эти люди являлись отличными психологами и замечательно умели почувствовать каждого благодетеля, найти к нему подход, и выбрать историю, которая оказала бы наибольшее воздействие. В домах староверов они хвалили раскол, а у католиков рассказывали о Папе Римском. Впрочем, иногда они могли рассказывать о

реальных событиях. Во времена, когда не существовало газет, такие странники разносили по стране новости, и люди с интересом их слушали.

✓ **Погорельцы.** Просили милостыню на восстановление сгоревшего хозяйства. Это одна из самых распространенных стратегий нищенства того времени. Стратегия была специфична именно для России, в европейских странах практически не встречалась из-за более низкого распространения деревянных построек. Просили погорельцы, обычно, целыми семьями, при этом маленькие дети постоянно плакали. Постепенно погорельцы могли собираться в целые армии. Например, в Казани было замечено, что староста нищих, узнав о пожаре в соседнем селе, сразу собирал артель из нищих. Все они одевались в крестьянскую одежду, изготавливали поддельные свидетельства от волостного управления и толпами ходили по городу.

✓ **Переселенцы. Просили по причине переселения из других губерний.** Нищие этого типа получили распространение после издания манифеста об освобождении крестьянства. Тысячи крестьян из неблагополучных губерний стали переселяться в Черноземье, в южные районы. Поэтому особенно много таких нищих было в городах, стоящих на главных транзитных путях страны – в Харькове, Одессе, Ростове. Причиной переселения мог быть массовый голод, эпидемия, пожар. Ходили они обычно большими группами, целыми деревнями, поэтому каждому нищему доставалось немного.

✓ **Калеки.** Среди нищих, которые ходили по миру с сумой, одну из самых крупных групп составляли калеки. В столицах их было меньше, но на ярмарках в уездных городах они появлялись сотнями.

✓ **Нищие дети.** Детское нищенство получило большое распространение именно в России, так как в странах Европы применялись более жесткие меры против использования детей при прощении милостыни. Историки описывают множество фактов использования детей в практике профессиональных нищих. Чаще всего нищие брали детей у родителей за определенную плату. Прощение милостыни детьми считалось одним из самых прибыльных и встречалось повсеместно.

Если говорить об общей характеристике дореволюционного нищенства, анализ архивных источников позволил выделить следующие их отличительные признаки:

- Иерархическая организация группы
- Преобладание мужчин 30-60 лет
- Гибкость в выборе «легенд», в зависимости от обстоятельств прощения милостыни
- Наличие ограниченного списка «легенд» для прощения милостыни
- Активное использование детей, в том числе купленных у родителей или украденных
- Существование «нищенских гнезд», то есть населенных пунктов, в которых все население жило исключительно нищенством.

Сопоставление стратегий дореволюционного и современного российского нищенства позволило сделать несколько важных выводов:

1. Ряд стратегий прошения милостыни являются универсальными и в настоящее время практически точно воспроизводятся нищими. Это использование детей, демонстрация физических увечий и прошение милостыни около церквей и кладбищ.

2. Некоторые стратегии, распространенные в дореволюционной России, достаточно редко встречаются в наши дни. Это стратегии «погорельцев» и «иерусалимцев» (странников).

3. В современной России получили большое распространение стратегии, которые, судя по архивным источникам, были мало распространены в дореволюционной России. Это прошение милостыни участниками вооруженных конфликтов (с обязательной демонстрацией военной формы и наград) и использование домашних животных.

Вторая глава - " Современные нищие в России: стратегии поведения и психологический статус" - посвящена результатам этнологических наблюдений за поведением нищих, а также исследованию психологического статуса нищих.

В разделе 1 -«Анализ надписей на табличках» приводятся результаты исследования письменных обращений нищих в России. За период наблюдений было получено описание 478 нищих. Примерно в 30% случаев нищие использовали устные обращения (публичные и персонально направленные) к окружающим, или таблички (письменные сообщения, выполненные карандашом, чернилами или фломастерами на картоне или бумаге). Такие вербализованные просьбы применяли чаще всего русские, молдаване, украинцы и европейские цыгане. Таджики и таджикские цыгане пользовались табличками значительно реже, хотя устные обращения с просьбой помочь на хлеб и благодарность за подавание можно было услышать (благодарили именем Аллаха). В редких случаях, можно было видеть, как среднеазиатские цыганки пытались благодарить именем Христа и даже креститься (такое поведение не одобряется большинством самих люли).

Было обнаружено, что чаще всего, в обращениях нищих славянского этноса использовались религиозные мотивы. Нищие обращались с просьбой оказать помощь ради Христа, благословляли именем Божиим, произносили благопожелания в ответ на подаяния. Один из вариантов такой просьбы звучал дословно следующим образом: «Люди добрые, помогите, пожалуйста, нам на хлеб и на питание, кто сколько может, мир вашему дому, никогда ни боляти. Спасибо за дабрату». Подобные обращения произносились преимущественно молодыми женщинами-украинками (молдаванками) или детьми (7-10 лет), собирающими подаяния в вагонах метро. Молодые русские женщины в переходах метро стояли, держа таблички (обычно при этом, они держали на руках ребенка, или один ребенок стоял рядом, а сами женщины были на сносках). Подобные просьбы часто сопровождались крестными знамениями и смиренными поклонами. Именем Божиим просили самые разнообразные категории нищих: мужчины и женщины, старые и молодые, инвалиды и здоровые люди. Религиозные мотивы звучали у русских, украинцев, молдаван и цыган. Такие просьбы составляли 22,4% всех устных (письменных обращений).

Вторая по частоте встречаемости категория просьб содержала лишь краткую ритуальную фразу, которая, иногда, сочеталась с благопожеланием «Помогите пожалуйста»; "Помогите ради Христа. Дай вам бог здоровья"; «Помогите кто - чем может»; «Мы нуждаемся в вашей помощи»; «Помогите на жизнь». К этой категории относились в общей сложности 18,1 % всех обращений.

Апелляции к собственной физической несостоятельности содержались в 15% обращений. Часто просьбы о помощи произносились (или были написаны) инвалидами: «Помогите инвалиду на лечение»; «Помогите на протез (на операцию, на лекарство)».

Многие нищие подчеркивали, что голодны (13,8%): «Помогите на хлеб», или «Хочу кушать». В отдельных табличках, присутствовало объяснение причины стесненного положения просящего: "Пенсию не платят, жить не на что, помогите на хлеб". Порой, такие устные обращения звучали в достаточно требовательной, назойливой форме: "Дайте на хлеб. Дай. Дай детишкам на хлеб" (цыганки с детьми).

Заметный процент обращений содержал просьбу оказать помощь животным (10,6%): «Помогите на приют животным»; «Помогите на корм (или лечение) животным»; «Милые дамы, уважаемые господа. Помогите, пожалуйста. Собака больна. Нет денег на питание».

Исходя из наших наблюдений, распространенность тех или иных обращений меняется со временем. Причем динамика распространенности тех или иных текстов в среде нищих носит нелинейный характер. После того, как определенный вид обращений становится очень популярным, он зачастую перестает работать, так как воспринимается окружающими как стереотипное обращение, а не рассказ о реальной истории жизни. В результате все больше нищих отказываются от данного типа обращения и его популярность начинает снижаться. В любом случае, можно предполагать, что оригинальное, неожиданное обращение, при прочих равных, делает попрошайничество более эффективным.

Надо сказать, что успешное взаимодействие нищих – подающих в рамках религиозной канвы, распространенное в России хорошо объяснимо с позиций эволюционной психологии в терминах реципрокного альтруизма: прохожие подают милостыню, а нищие, в свою очередь оказывают им ритуальные услуги, обращаясь за благословением для них к Богу (желают здоровья, состояния, удачи в делах, нищие играют роль посредников, и просят Бога за подающих). В таком случае, апелляция к конкретным нуждам нищего и обоснование причин попрошайничества служат вторичными стимулами для подающих. К примеру, сообщение о том, что человек испытывает острую нужду и голоден, в сочетании с такими мощными реллизерами дележа как внешний вид ребенка или протянутая рука, просительная мимика, заглядывание в глаза запускает глубинные психологические механизмы дележа пищей. Призыв об оказании помощи инвалидам (по возрасту, вследствие военных действий или травм на рабочем месте) также укладывается в схему реципрокного альтруизма (в частности, отсроченной реципрокности): в рамках которой члены общества

отдают «долги» тем, кто вносил вклад в общественное благополучие и теперь сам нуждается в их помощи.

Устные и письменные обращения, содержащие намек на родство (братья, сестричка, сынок) широко распространены в России. Осознанно или бессознательно использованные, такие словосочетания способствовали тому, чтобы стимулировать у подающего родственные чувства - успешность такой стратегии объяснима с позиций кин-отбора (Hamilton, 1964). Таким образом, письменные обращения, чаще всего, конструируются так, чтобы активизировать эволюционно закрепленные механизмы альтруизма.

Раздел 2 «Этологическое исследование поведения нищих» посвящен изучению механизмов, стимулирующих альтруистическое поведение и анализу этих механизмов в рамках эволюционного подхода. Согласно этологической теории, альтруизм является универсальным свойством человека и возникает в ответ на определенные символы (знаки) и паттерны поведения. Мотивация помощи другим людям не продуцируется этими символами и паттернами, но она может быть вызвана ими. Концепция релизеров отличает этологическую теорию от поведенческой (теория подкрепления), а также от теории социальных конструкторов, которая игнорирует природу человека. Релизеры обязательно должны быть представлены в такой форме, чтобы служить ключом к перцептуальной и мотивационной системам человека, которые развиваются в процессе эволюции для поддержки родственников или других членов группы.

В соответствии с этологической теорией, должен существовать универсальный репертуар стратегий нищенства, из которого позднее произошли конкретные культурные традиции попрошайничества. Помимо этого, существует ряд культурно-специфических релизеров альтруизма. В данном исследовании были описаны оба типа поведенческих практик.

Не менее важной задачей было выявление того, как действие универсальных и культурно-специфических релизеров мотивации подаяния меняется под влиянием знаков этнической идентичности. С помощью этологических методов мы проверяли гипотезу о том, что люди более склонны подавать нищим, относящимся к одной с ними этнической группе; а также более склонны подавать нищим из более близких подающему этнических групп, чем из далеких.

Была собрана информация по 178 нищим. Распределение выборки показано в Таблице 2.1.

Таблица 2.1. Этнос, возраст и пол нищих

	3-15лет		16-22 года		22-60 лет		Старше 60 лет		В целом
	Жен-щины	Муж-чины	Жен-щины	Муж-чины	Жен-щины	Муж-чины	Жен-щины	Муж-чины	
Русские	9	19	10	3	22	33	22	10	128
Молдаване	3	5	3	1	6	6	1	0	25
Цыгане	14	7	0	0	2	1	1	0	25
В целом	26	31	13	4	30	40	24	10	178

Данные по каждому индивидууму были собраны методом фокального наблюдения. Период наблюдения равнялся 2-м минутам и средняя

длительность события (паттерна поведения) равнялась 10 секундам. Была разработана этограмма, в которой паттерны поведения были объединены в несколько классов (примеры реализации стратегий см. в Приложении 1). Данные классы отражают основные типы релизеров, используемых нищими (см. табл.2.2). Метод множественной регрессии был применен для оценки влияния каждого типа поведения нищего на успешность прошения. При этом количество подавших милостыню, было зависимой переменной, а параметры нищего, включая его этнос, являлись независимыми переменными.

Таблица 2.2. Выделенные релизеры альтруизма

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ РЕЛИЗЕРЫ	
ВНЕШНОСТЬ	Детская внешность Инвалид (ранение, психическое расстройство) Атрибуты физического недомогания (палка, инвалидная коляска) Внешность пожилого человека
ПАТТЕРНЫ ПОВЕДЕНИЯ	Протянутая рука (движется или нет) Печальное лицо и причитания Плач Упорный взгляд Активное требование милостыни Прикосновение Приставание Отстраненность Кивание головой Поклоны Сгорбленное положение тела
КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ РЕЛИЗЕРЫ	
ВНЕШНОСТЬ	Бедная одежда Военная одежда Написанная история или просьба
ПАТТЕРНЫ ПОВЕДЕНИЯ	Религиозное поведение (благословение, крещение) Относительная взаимность (игра на инструментах, пение)

Из 178 человек, включенных в базу данных, 128 были русские, 25- цыгане и 25 - молдаване. Каждый нищий наблюдался один раз. Всего зафиксировано 321 подаяние. Среднее число подавших одному нищему было 1.61 ± 0.58 .

По результатам исследования были сделаны следующие выводы:

- В поведении нищих было выделено три инвариантных поведенческих схемы, которые чаще всего используются при прошении милостыни:

- 1) Активная персонализация взаимодействия нищий-подающий,
- 2) ритуализованное обращение и 3) Неперсонализированное / отстраненное поведение.

- Универсальными релизерами альтруизма, которые активно используются нищими всех исследуемых этнических групп, является присутствие ребенка, игра на музыкальных инструментах и отстраненное поведение.

- Для нищих славянского этноса наиболее характерно использование персонифицированного поведения: личное обращение к людям, агрессивное приставание.

- Цыгане чаще всего просят милостыню с использованием детей, играющих на музыкальных инструментах, что может рассматриваться как релизер «реципрокного альтруизма»

- Молдаване чаще всего используют стратегию интенсивного выражения эмоций (плачут, рассказывают истории жизни).

- При прочих равных, нищие славянского этноса получают больше подаваний, чем молдаване, а молдаване – больше, чем цыгане. Обнаруженная тенденция соответствует теории этнического nepoтизма.

- Мужчины более склонны, по сравнению с женщинами, подавать милостыню представителям своего этноса.

Раздел 3 "Кросскультурное сравнение автобиографической информации о людях, просящих милостыню: Россия, Румыния, Чехия " посвящен результатам личных интервью с нищими в трех странах. Основные данные были собраны нами в 1998-2000 гг. Данные по азиатским цыганам получены в процессе полевой работы в Москве летом 2005 г., а по чехам – в Праге весной 2005 г. Объем анализируемой выборки - 243 человека. Целью данного исследования было выявление основных типов жизненных траекторий нищих.

Несколько вопросов анкеты образовывали кластер, который можно было бы назвать «степень вовлечения в практику прошения милостыни». Сюда вошли вопросы о продолжительности практики попрошайничества, служит ли эта стратегия основным источником дохода, о регулярности сбора милостыни (сколько раз в неделю и сколько часов в день просит милостыню), не смущается ли данный индивид собирать подавания, чувствует ли себя в данном городе комфортно и не пробовал ли он/она найти работу.

Нищие, опрошенные в России имели достоверно меньший опыт прошения милостыни, чем люди, опрошенные в Румынии и Чехии. Если в Праге 9% опрошенных сказали, что просят милостыню менее двух месяцев, а в Бухаресте таких нищих не было, то в Москве столь маленький опыт имели 38% опрошенных.

В России большинство опрошенных нищих говорили, что не рассматривают нищенство как основной источник доходов, что это лишь часть их прибыли. В Москве 23% опрошенных сказали, что прошение милостыни – для них основной источник дохода, в Праге таков 53%, а в Бухаресте – 53%.

В ходе опроса задавался вопрос о том, испытывают ли нищие смущение, когда просят милостыню. В России о смущении сказали 58%, в Праге – 40% и в Бухаресте – 38%. То есть опрошенные в Москве чаще, чем нищие в Чехии и Румынии испытывали психологический дискомфорт (эти данные согласуются с результатами исследований психологического портрета нищего в России). Следует, однако, заметить, что смущение по поводу попрошайничества в

российской выборке чаще всего испытывали пожилые люди (русские). Таджики и люли отвечали на этот вопрос отрицательно. Один таджик объяснил свою позицию следующими словами: «Мне нечего стыдится того, что я делаю. Скорее, испытываю от этого гордость, потому что могу таким способом накормить семью».

Задавая вопрос о том, насколько психологически комфортно себя чувствуют нищие в городе, мы планировали выяснить, прежде всего, отношение к нищим жителей города и местной милиции. В Москве лишь 49% опрошенных сказали, что им в городе комфортно, в Праге – 64%, а в Бухаресте – 87%. Если исходить из ответов на данный вопрос, то следует признать, что в России нищие чувствуют себя комфортно реже, чем в Чехии, а в Чехии, в свою очередь, - реже, чем в Румынии. Основным источником дискомфорта для нищих является преследование со стороны милиции. Практически все нищие в России упомянули о том, что милиция не разрешает им просить милостыню в определенных местах и зачастую требует «откуп» за разрешение на прошение милостыни.

По результатам опроса был установлен ряд отличительных признаков российского нищенства:

- Нищие в России просят милостыню в течение меньшего времени, в среднем – около года, а в Чехии и Румынии – 3 года.
- Прошение милостыни для российских нищих является большим стрессом, чем для нищих в Чехии и Румынии.
- Для России характерно наибольшее разнообразие причин нищенства. Если в Чехии и Румынии в качестве причины чаще всего назывались индивидуальные обстоятельства жизни (болезнь, потеря работы), то в России зачастую нищие ссылались на социальные катаклизмы (война, голод в конкретном регионе), закрытие градообразующего предприятия.

Интервью с нищим показали, что нищие в России менее опытные и, по-видимому, в связи с этим менее комфортно чувствуют себя в роли просящих милостыню. Иными словами, в России водораздел между группой нищих и другими социальными группами менее четок, и данная категория граждан в России может, с большой вероятностью, принадлежать и к другим социальным группам. Данный вывод будет дополнительно проверен в ходе исследования психологических особенностей нищих в России.

В разделе 4 «Психологические особенности людей, просящих милостыню» изложены результаты исследования процесса групповой идентификации человека с группой нищих, а также влияния, которое оказывает на личность человека членство в данной группе.

При анализе динамики групповой идентификации мы опирались на концепцию, в рамках которой социальная идентичность сводится к совокупности тех аспектов Я, которые определяются восприятием себя как члена определенных социальных групп. Учитывая, что группа нищих отвергается обществом, можно ожидать, что идентификация с данной группой

является угрозой для самооценки человека. Включаясь в дискриминированную группу, человек встает перед необходимостью защититься от данной угрозы. В социальной антропологии описаны два типа поведения индивида в подобной ситуации:

1) Включаясь во взаимодействие с членами ингруппы, индивид идентифицируется с ними, его образ Я сближается со стереотипом группы. В ходе совместной деятельности представители группы вырабатывают защитные стратегии. В случае с группой нищих, эти стратегии могли быть следующими: «Мы просим милостыню, а могли бы воровать», «Есть нищие, которые обманывают людей, но большинство из нас – честные люди». Совместная выработка подобных стратегий позволяет группе сохранить свою целостность, самодостаточность и защитить самооценку своих членов.

2) Человек, входя в группу, чувствует негативное отношение со стороны членов аутгрупп, в том числе референтных. В результате он не включается в непосредственное взаимодействие с членами новой группы, в связи с чем совместная деятельность по выработке стратегий социального творчества становится невозможной. Избегая принятия негативной идентичности, человек может использовать несколько вариантов поведения: 1 - индивидуальная мобильность (уход из новой группы в более высокостатусную), 2 - снижение субъективной значимости принадлежности к данной группе, 3 - установление психологической границы между группой и собой как личностью.

Основной задачей настоящего исследования стало определение того, какую именно защитную стратегию используют нищие в России.

В ходе данного исследования был собран материал по двум выборкам. В экспериментальную группу (ЭГ) вошла 61 русская женщина старше 55 лет, просящая милостыню в Москве. В контрольную группу (КГ) вошла 31 русская женщина старше 55 лет. Средний возраст в ЭГ составил 73 года, в КГ - 71 год.

Для оценки динамики идентификации с группой нищих был использован бланк, на котором расположены 13 шкал. Полюса каждой шкалы были обозначены парой противоположных психологических качеств. Инструкция нищим, согласившимся на интервью, была следующей: «Я хотел бы поговорить с Вами о людях, просящих милостыню. Опишите, пожалуйста типичного нищего (нищих). На этом бланке изображены шкалы. Например, представьте, что сверху на 1-й шкале расположены самые плохие люди, а снизу - самые хорошие. Отметьте точкой, где на ней находится нищий». После оценки нищего по всем шкалам, испытуемым задавался следующий вопрос: «А теперь отметьте, пожалуйста, где на этой шкале находитесь Вы сами». В итоге на каждой шкале респондент ставил две точки. Расстояние между точкой «образ Я» и точкой «стереотип нищего» отражало степень отождествления человека с данной группой.

Для выяснения эмоционального статуса человека испытуемому задавалось 9 вопросов:

Когда Вы в первый раз попробовали просить милостыню? (задавался только в ЭГ)

Знает ли ваша семья о том, что просите и давно ли? (задавался только в ЭГ)

Когда Вам тяжелее живется: в этом году или в прошлом?

Часто ли у Вас бывает состояние, когда ничего не хочется делать?

Что Вам снится (снилось в последний раз)?

Как вы относитесь к богатым людям?

Верите ли Вы в приметы (если да, то в какие)?

О чем Вы мечтаете?

Расскажите о самом счастливом событии вашей жизни?

Опираясь на результаты сравнения стереотипа группы нищих с большим (от 2-х лет) и маленьким (до 1-го года) стажем, можно сказать, что по мере прошения милостыни у человека существенно меняется стереотип данной группы (Таблица 5.3). Типичный нищий начинает восприниматься, как более «агрессивный» и «бестактный», более «удачливый» и «счастливый», более «бессовестный» и «плохой». По нашему мнению, модификацию образа группы нищих можно охарактеризовать как наполненную стигматизирующими чертами. Категории «счастливый» и «удачливый», в этом плане, являются особенно характерными для стигматизирующего стереотипа, когда представителям группы отказывается в жалости и они воспринимаются как по-своему счастливые. Такие характеристики, как счастье, агрессивность и бесстыдство нищих сливаются в образ агрессивного нищего, который на самом деле счастлив, но бесстыже обманывает окружающих, прося у них помощи.

Таблица 5.3. Результаты сравнительного анализа стереотипа группы нищих у опытных и неопытных людей, просящих милостыню

Категория	Стаж < 1 года	Стаж > 2 лет	Разли- чие	t – тест различий
Плохой	2,38	3,53	<	1,96*
Счастливый	1,06	2,53	<	2,25*
Замкнутый	2,38	3,00	<	0,74
Тревожный	3,28	3,60	<	0,39
Чистый	2,66	2,33	>	0,44
Неудачливый	4,72	3,27	>	2,41*
Оптимист	2,06	3,20	<	1,53
Миротлюбивый	3,19	1,20	>	2,68**
Зависимый	1,69	2,73	<	1,42
Сильный	2,09	1,93	>	0,20
Бестактный	2,25	4,80	<	3,40***
Стыдливый	3,00	1,00	>	2,66**
Одинокий	3,34	2,33	>	1,46

p < 0,05 ** p < 0,01 *** p < 0,001

Результаты по динамике отождествления просящего милостыню с группой нищих отличаются высокой согласованностью (Табл. 5.4). По всем 13 параметрам у нищих с большим стажем разница между образом Я и стереотипом группы нищих оказалась больше, чем у нищих с маленьким стажем. По 5 категориям данное различие оказалось достоверным. То есть можно с уверенностью говорить о феномене разотождествления человека,

просящего милостыню, с группой нищих по мере увеличения срока прошения милостыни.

Таблица 5.4. Результаты сравнительного анализа отождествления с группой нищих опытных и неопытных людей, просящих милостыню по набору показателей

Степень отождествления представлена, как разность между оценкой образа Я и стереотипа нищих.

Категория	Стаж <1 года	Стаж > 2 лет	Динамика	t – тест динамики
Плохой	1,84	3,27	<	2,31*
Счастливый	1,53	1,93	<	0,76
Замкнутый	2,06	2,60	<	0,79
Тревожный	2,03	3,40	<	1,99*
Чистый	2,56	3,13	<	0,81
Неудачливый	1,47	2,00	<	1,01
Оптимист	1,97	2,93	<	1,56
Миротлюбивый	2,03	4,67	<	4,01***
Зависимый	1,69	2,53	<	1,34
Сильный	2,56	3,13	<	0,79
Бестактный	1,91	4,60	<	4,05***
Стыдливый	2,31	4,60	<	3,23**
Одинокий	2,59	2,73	<	0,21

* $p < 0,05$ ** $p < 0,01$ *** $p < 0,001$

На основании полученных результатов можно утверждать, что люди, просящие милостыню, склонны защищать собственную самооценку путем отказа от идентификации со стигматизированной группой нищих. Они только декларируют свою принадлежность к группе нищих на основании центрального признака - выполнение практики прошения милостыни.

На наш взгляд, главным фактором, затрудняющим включение пенсионеров в новую группу, является сочетание их объективного отвержения обществом и психологической зависимости от общества. Как показали интервью с нищими, большинство представителей этой категории чувствуют своим долгом поддерживать семьи своих детей, а значит, сохраняют связи с родственниками. Кроме того, большинство из них получают пенсию и продолжают жить в своих квартирах, зачастую продолжают отношения со старыми друзьями. Зависимость от прежнего окружения не дает им возможности порвать с ним связи и полностью включиться в новую коммуникативную сеть (как это делают опустившиеся алкоголики, бомжи, сектанты и члены прочих изолированных от общества групп).

Можно заключить, что для нищих пенсионеров характерна маргинальная идентичность, то есть отсутствие полноценного членства в какой-либо группе. Эти люди оказываются в противоречивой ситуации: они стремятся оставаться в прежних, референтных для них группах, но, в то же время, эти группы стигматизируют практику прошения милостыни.

Следует заметить, что маргинальная позиция не является обязательным признаком людей, практикующих нищенство. Представители традиционных культур нищих (цыганской, например) изначально не претендуют на иную роль в общественной стратификации и потому способны создать автономную систему норм и правил поведения. Дореволюционные нищие, образовывавшие особую касту профессионалов, как было показано в историческом анализе нищенства, представляли собой развитую общественную группу со статусным делением и распределением ролей. Члены подобных групп, безусловно, ощущали негативное отношение к своей группе со стороны окружающих, однако они были способны выработать стратегии поддержания социальной идентичности. В современной России, по-видимому, нищие пока не сформировали автономную, замкнутую социальную группу. На наш взгляд, это связано с тем, что многие нищие в современной России до сих пор продолжают ощущать себя членами других групп (семейной, группы пенсионеров, группы ветеранов войны). Современные нищие в России, детально воспроизводя поведенческий репертуар дореволюционных нищих, образуют принципиально другую социальную общность, нежели та, которая традиционно существовала в России. Группа современных российских нищих - это скорее не организованная, изолированная группа, а совокупность людей, занимающихся одной и той же практикой, но не связанная между собой горизонтальными связями.

Подобный конфликт в социальной идентичности не может не отразиться на эмоциональном статусе и ценностной сфере людей, просящих милостыню. Опираясь на результаты, полученные с помощью опросника, можно сказать, что эмоциональный статус представителей ЭГ значительно отличается от такового в КГ. Нищие чаще отмечали, что их жизнь со временем становится все тяжелее. Отдельного анализа заслуживают высказывания людей о своей смерти. При разработке вопросов мы сознательно избегали таких, которые могли бы затронуть данную тему, так как в пожилом возрасте мысли о смерти зачастую травматичны. Однако, отвечая на вопросы о переживании апатии, о сновидениях и о главной мечте, респонденты спонтанно переходили к рассуждениям о собственной смерти. Важно отметить, что среди опрошенных нищих 45% спонтанно заговорили о своей смерти, а прямо сказали, что мечтают умереть 25%. В контрольной группе только 16% спонтанно затронули тему смерти, а желание умереть как можно скорей высказали 13% опрошенных. Следовательно, можно говорить об актуальности суицидальных намерений в группе нищих.

Таким образом, в психологическом статусе нищих обнаруживается обобщенный негативный эмоциональный фон, определяющий отношение человека к своему прошлому, настоящему и будущему. Подобная склонность к распространению негативного аффекта на все сферы жизни, характерна для людей, страдающих депрессией. Таким образом, можно сделать вывод о доминирующем депрессивном фоне в эмоциональном статусе нищих.

Нужно отметить, что обнаруженная тенденция к депрессии у нищих, соответствует эволюционной концепции о взаимосвязи самооценки и эмоционального статуса с успешностью родительского вклада. В свою очередь,

только включенность в группу, общину гарантирует человеку определенный уровень поддержки, необходимый для осуществления родительского вклада. Нищие в России, как мы показали, в полной мере не относятся ни к прежним социальным группам, ни к группе нищих, в то время как пожилые люди, включенные в социальные группы, могут рассчитывать на поддержку более молодых членов группы благодаря «отсроченному реципрокному альтруизму», пожилые нищие не могут получать такую помощь от близких людей, хотя они получают ее от незнакомых, подающих им милостыню.

В заключении главы, на основе выводов о психологическом статусе нищих, приведены рекомендации по построению реабилитационных программ по отношению к людям, просящим милостыню.

Глава третья «Мотивационные механизмы подаяния милостыни: кросскультурное исследование. Россия и Чехия» посвящена результатам комплексного исследования, совмещающего этнологическое наблюдение за нищим и интервьюирование подающих милостыню.

Процедура исследования предполагала использование небольшого опросника, заполнение которого не занимало бы больше трех минут. В общей сложности в опросник входило 12 вопросов, в том числе: какую сумму респондент только что подал нищему? Что побудило его к благотворительности (религиозные соображения; чувство социальной справедливости; жалость; суеверные соображения; как часто он подает нищим? Каковы, по мнению респондента причины бедственного положения нищих? Действительно ли большинство нищих нуждаются в милостыне? и пр.

Процедура исследования заключалась в устном интервью с прохожими на улице. Исследователь находился на расстоянии нескольких метров от человека, просящего милостыню, и мог видеть людей, подающих ему деньги. Анкетирование проводилось лишь с теми, кто только что подал нищему. В отдельном бланке фиксировались основные признаки поведения и внешности нищего, которому была подана милостыня данным респондентом. Эта процедура позволила, в дальнейшем, соотнести параметры отношения к нищему с характеристиками конкретного субъекта, просящего милостыню, и рассматривать данные характеристики как побудители того или иного типа отношения к человеку, просящему подаяние.

Опросы проводились в 2001 году в Москве и Праге. Было собрано 600 интервью в российской и 603 интервью - в чешской выборке. Состав нищих, которым респонденты подавали милостыню, в целом, соответствовал общей структуре категорий людей, нищенствующих в Москве и Праге.

Российская и Чешская выборки были сравнены по параметру суммы подаяний. В России сумма подаяния в среднем составляет 4 рубля (0,13\$), в Праге – 15 крон (0,40\$). Для кросс-культурного сравнения был вычислен показатель «сумма подаяния/средняя зарплата по стране». В России данный показатель равен 0,0008 и в Чехии 0,0014. Статистическое сравнение показало, что в Чехии подают большие суммы денег, чем в России. В то же время, было обнаружено, что в России милостыню подают достоверно чаще, чем в Чехии. Таким образом, в современной России очень распространена «копеечная

милостыня», описанная еще в XIX веке Прыжковым. По характеристике Прыжова, люди в России предпочитают подать копейку десяти нищим, чем десять копеек одному, так как это, по их мнению, более соответствует христианской добродетели. Прыжов называет копеечную милостыню «вещью форменной», то есть ритуализованным, формальным актом, за которым редко лежит истинное сочувствие со стороны подающего.

Тем не менее, подавляющее большинство подающих декларировали, что подают милостыню из жалости. Регрессионный анализ, в котором выяснялось влияние поведения и внешности нищего на мотивацию жалости, показал, что данный мотив в России возникал в ответ на следующие релизеры: неславянский этнос, активную манеру, наличие животного и лежащее положение. В то же время, в Чехии жалость возникала в ответ на молчание, опущенный взгляд и пассивную манеру. Особенно важен тот факт, что в России при подаении нищему другой этнической принадлежности люди чаще всего декларируют мотивацию жалостью. По-видимому, принадлежность к другому этносу снижает вероятность подаения из соображений социальной справедливости, либо религиозных соображений, так как нищий другого этноса исключен как из системы социального распределения, так и из системы христианской взаимопомощи. В этой ситуации только реакция на мощные релизеры альтруизма может стимулировать подаение милостыни. Таким релизером является детская схема, атрибутами которой становится лежащее (подчиненное) положение тела и домашнее животное (как суррогат детской схемы). При этом альтруистическая реакция на мощные релизеры переживается человеком как непосредственная жалость.

Мотивация социальной справедливости в России достоверно показывается следующими параметрами нищего: мужской пол, военная одежда нищего и протянутая рука. В Чехии оказались достоверными следующие предикторы: инвалидность, грязная и некачественная одежда, стоячее положение, активная манера, заглядывание в глаза и депрессивная мимика. Таким образом, в России мотивация социальной справедливости реализуется как стремление помочь человеку, внесшему большой вклад в систему социальной взаимопомощи в виде службы в армии. В то же время, в Чехии мотивация социальной справедливости направлена на помощь самым деклассированным категориям нищих, которые имеют немного шансов вернуться к прежней жизни.

Релизерами религиозной мотивации в России являлся пожилой возраст, чистая одежда, женский пол и депрессивная мимика. В Чехии жалость вызывалась другими атрибутами: религиозные акты, инвалидность, активная манера, взгляд в глаза и депрессивная мимика. То есть, релизером жалости в России являлась отстраненная стратегия, характерная для пожилых женщин, а в Чехии – стратегия персонализации. На наш взгляд, данная тенденция объясняется тем, что в русской православной культуре проявление стыдливости/скромности традиционно имело позитивную коннотацию, а стратегия отстранения демонстрирует, прежде всего, стыд просящего милостыню. То есть именно стратегия отстранения в наибольшей степени соответствует культурным кодам юродства и «нищенства Христа ради».

Таблица 7.4. Регрессионный анализ подаяния милостыни

Мотивация	Россия			Чехия		
	Характеристика	z	p	Характеристика	z	p
Религиозные соображения	Пожилой возраст	2,11	<0,05	Религиозные акты	3,21	<0,01
	Чистая одежда	2,04	<0,05	Инвалидность	2,95	<0,01
	Женский пол	2,25	<0,05	Активная манера	2,45	<0,01
	Депрессивная мимика	2,31	<0,05	Взгляд в глаза	2,67	<0,05
				Депрессивная мимика	2,30	<0,05
Социальная справедливость	Военная одежда	2,32	<0,05	Грязная одежда	3,23	<0,01
	Вытянутая рука	2,12	<0,05	Некачественная одежда	2,98	<0,01
	Мужской пол	2,41	<0,05	Инвалидность	3,41	<0,01
				Взгляд в глаза	3,32	<0,01
				Активная манера	3,14	<0,01
				Депрессивная мимика	3,35	<0,01
				Вертикальное положение	2,96	<0,01
Жалость	Неславянский этнос	3,62	<0,01	Молчание	2,45	<0,05
	Активная манера	3,13	<0,01	Опущенный взгляд	2,64	<0,05
	Животное с человеком	3,04	<0,01	Пассивная манера	2,97	<0,01
	Лежачее положение	2,56	<0,05			

В **Заключении** делаются основные выводы по результатам исследования и приводится теоретическая интерпретация результатов с позиций эволюционной антропологии. Теоретическое осмысление результатов исследования основывается на интеракционистском подходе, предложенном этологией и эволюционной психологией, который позволяет оценить поведение нищих и подающих в универалистской перспективе и понять базовые факторы, делающие такую стратегию возможной и успешной. Учитывая то обстоятельство, что поведение человека формировалось под воздействием эволюционных факторов и является продуктом взаимодействия между эволюционировавшими психологическими механизмами и средой, мы уделили особое внимание анализу процессов взаимодействия нищий – подающий, а также оценили эти действия с учетом индивидуальных и групповых преимуществ, затрат со стороны подающих и выгод, полученных нищими.

Анализ современного нищенства в России показывает, что «новые нищие» в основных чертах, воспроизводят данную практику в том виде, в котором она существовала в дореволюционном российском обществе .

Подобный факт не вызывает удивления: наряду с универсальными сигналами (вербальными и невербальными) о помощи, в каждой культуре

действует сложная система культурных кодов, с детства понятная ее членам. Такие коды глубоко зафиксированы в сознании каждого человека и составляют часть его личности, они тесно переплетаются в сознании с жизненными устремлениями индивида и во многом определяют его взаимоотношения с окружающими. Выше уже неоднократно говорилось о том, что нищий и подающий действуют в тесной связи друг с другом, поэтому и стратегии, задействованные нищими выбираются с учетом настроений и особенностей восприятия потенциальных доноров. К примеру, нищие, просящие в вагонах метро, в обычные дни апеллируют к чувству собственного достоинства пассажиров (небольшая сумма, выданная нищему не разорит подающего, но может повысить его самооценку и дать ощущение собственного благополучия по контрасту с остро нуждающимся), в канун дня Защитника Отечества или Дня Победы - к патриотизму (появляется много нищих-калек, одетых в военную форму, выдающих себя за ветеранов разных военных кампаний). Нищие у храмов и на кладбищах следуют также правилам специфического в этих обстоятельствах дресс-кода, их поведение и речь свидетельствуют о набожности и стремлении к святости.

При всем разнообразии поведенческих стратегий нищих в России, можно выделить три глобальные мотивации альтруизма, каждая из которых запускается определенным типом поведенческих релизеров. Кроме того, каждая из мотиваций имеет под собой разные эволюционные основания.

1. Модель помощи более слабому. Альтруизм возникает в ответ на детскую схему / ее заменители (присутствие животного) либо на демонстрацию физического увечья. Стратегия поведения нищего направлена на демонстрацию своей уязвимости и недееспособности. Стратегия используется детьми, инвалидами, представителями неславянских этносов. В роли подающих милостыню чаще выступают женщины. Альтруизм субъективно переживается как чувство непосредственной жалости.

2. Модель помощи члену группы. Альтруизм возникает в ответ на признаки групповой принадлежности (к этнической группе, вооруженным силам). Стратегия поведения нищего направлена на демонстрацию сохранения принадлежности к прежней группе членства. Эту стратегию чаще используют мужчины, практически всегда – славянского этноса. В роли подающих милостыню чаще выступают мужчины. Альтруизм субъективно переживается как чувство социальной справедливости.

3. Модель помощи, как моральный (религиозный) долг. В России альтруизм возникает в ответ на пожилую внешность, чистую одежду и депрессивную мимику. Визуальный образ старушки вызывает в России устойчивую ассоциацию с религиозным поведением. Стратегия поведения нищего направлена на демонстрацию смирения и подавленного состояния. Данную стратегию чаще используют люди пожилого возраста, практически всегда – славянского этноса. В роли подающих милостыню чаще выступают женщины и люди пожилого возраста. Альтруизм субъективно переживается как чувство выполнения религиозного долга, как «спасение души».

Три описанные модели можно интерпретировать как три вида альтруистического поведения, каждый из которых был выработан для

социальной адаптации в ходе естественного отбора. На наш взгляд, сама природа данных альтруистических мотиваций является универсальной для всех человеческих культур, при этом релизеры, которые запускают данные мотивации, могут иметь ряд культурно-специфических особенностей.

Проведенное комплексное антропологическое исследование нищенства позволило не только подтвердить ряд теоретических гипотез об эволюционной природе альтруизма, но и предоставило большую массу практического экспериментального материала для дальнейшего теоретического осмысления.

Список работ, опубликованных по теме диссертации

1. Городские нищие в России: итоги этологических полевых исследований // Язык, культура, общество. М., 2001, с.73–98. (совместно с Бутовской М., Смирновым А. и Сальтером Ф.)
2. Психологические особенности людей, просящих милостыню // Вопросы психологии, 2002 N 1. с. 56-79.
3. Психологические особенности людей, просящих милостыню // Вопросы психологии, 2002 N 2 с. 66-83.
4. Нищенство в дореволюционной России // Этнографическое обозрение, 2007, N3, с.26-38
5. Бредущие среди нас. Нищие в России и странах Европы, история и современность. М.: Научный мир, 2007. 275 с (совместно с Бутовской М. и Ванчатовой М.)
6. Urban begging and ethnic nepotism in Russia: An ethological pilot study // Human Nature. 2000. №2, p. 57-82 (совместно с Бутовской М., Смирновым А. и Сальтером Ф.)
7. Almsgiving in ethological perspective // 15th Biannual Conference of the International Society of Human Ethology, Universidad de Salamanka, Spain, 2000. p. 28 (совместно с Бутовской М. и Сальтером Ф.)
8. Beggars as urban subculture: Territorial distribution, begging strategies and relationships with local population. In Ecopolis 2000: Proceedings of the International Conference on Ecology and Sustainable Development of Cities. Moscow, 24-25 November 2000. (ed. D. Kavtaradze). Moscow: Moscow State University, pp. 44-45.
9. Giver-beggars interactions: why donations are possible in mass anonymous society // Contributions to the XXVII International Ethological Conference, Tubingen, 2001, p. 40 (совместно с Бутовской М.)
10. Effects of sex, status and ethnic similarity on willingness to give to beggars: A questionnaire study // Anthropologie, 2002, Vol.XL/1, p.119-128 (совместно с Бутовской М. и Сальтером Ф.)
11. Psychological characteristics of beggars in Russia// Abstracts of XVI CAES2K3, Humankind/Nature Interaction: Past, Present and Future, Florence (Italy), 2003, p. 878
12. Alms-giving in modern urban societies as a biosocial phenomenon: a cross-cultural comparison // Comparative Civilizations Review, 2004, N.50, p.5-22. (совместно с Бутовской М., Ванчатовой М. и Павелковой Ж.)

Приложение 1

Примеры реализации поведенческих стратегий

Стратегия "Детская схема"

Стратегия "Инвалидность"

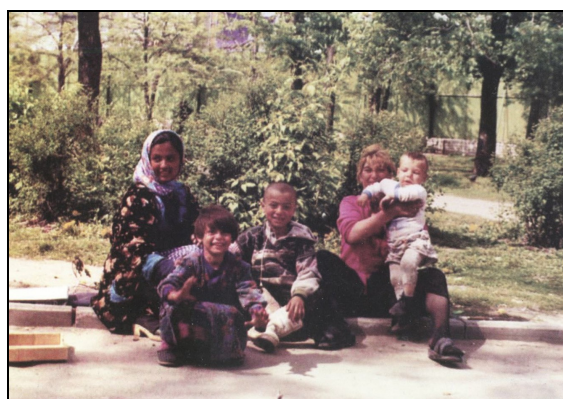
Стратегия "Присутствие животных"

Стратегия "Отстраненность"

Стратегия "Агрессивность"

Стратегия "Персонализация"

